

«УТВЕРЖДАЮ»
Первый проректор ФГБОУ ВПО
«Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»

М.В. Новиков
марта 2014 г.
М. П.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
на диссертацию Яны Александровны ВОЛКОВОЙ
«ДЕСТРУКТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ В КОГНИТИВНО-
ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ»,
представленной на соискание учёной степени доктора
филологических наук по специальности 10.02.19 - теория языка

Актуальность исследования

Диссертационное исследование **Я.А. Волковой** представляет собой самостоятельную законченную работу, выполненную на исключительно актуальную тему. Именно сейчас, когда наше общество переживает серьёзный психологический кризис, когда агрессия в обществе значительно преодолела традиционные рамки, а деструктивные тенденции приняли угрожающие размеры, любое исследование на эту тему становится просто жизненно необходимым. Как справедливо отмечает уже в самом начале своей работы (стр.4) **Я.А. Волкова**, ответственность за создавшееся положение несёт не некий врождённый инстинкт, а сам человек, что никак не позволяет как-то оправдать сложившуюся ситуацию и требует тщательного её изучения с целью поиска благополучного выхода.

Новизна исследования

Как следует уже из названия работы **Я.А. Волковой**, она выполнена в русле когнитивно-дискурсивной лингвистики. Исследователя интересует деструктивное общение как тип межличностных контактов. Если различные «благополучные» виды общения исследовались многократно и тщательно, «разрушительное» общение пока не стало предметом большого интереса! Тем ценнее представляется рецензируемая работа **Я.А. Волковой**.

Совершенно очевидно, что как всякий тип общения, общение деструктивное обладает набором конститутивных признаков, которые и являются предметом интереса автора диссертации. В этом плане обращает на себя внимание, что именно **Я.А. Волковой** принадлежит честь «первооткрывателя» комплексной темы «деструктивная коммуникативная личность» и «деструктивное общение». Разумеется, и до неё лингвистов,

психологов, лингвокультурологов и многих других специалистов в области человеческого общения интересовали контрпродуктивные способы, тактики и методы общения, но объёмной и весьма полной работы ещё не было. Автор диссертации не просто описывает предмет, но определяет место деструктивного общения в системе других видов общения, подробно рассматривает мотивацию деструктивного общения, перечисляет лексические средства, им используемые, создаёт целую галерею соответствующих типажей, обращается к понятиям эмотивной лингвоэкологии. Таким образом, новизна рецензируемой работы сомнения не вызывает.

Необходимо отметить очень богатую эрудицию автора. Ею прочитано огромное количество литературы по теме её работы и даже сильно выходящей за пределы темы. К сожалению, нередко авторы диссертаций ограничиваются простым перечислением прочитанного, не утруждая себя доказательствами, что всё сказанное действительно ими проработано. В диссертации Я.А. Волковой такого впечатления не возникает, её обзоры составлены грамотно и исчерпывающе.

Научная значимость исследования

Ценность наблюдений и выводов диссертанта представляется неоспоримой. С основными положениями диссертации нельзя не согласиться. Автор определяет деструктивное общение как тип эмоционального общения, направленного на сознательное и преднамеренное причинение собеседнику морального или физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и / или сознанием собственной правоты (стр.11). Одно из главных условий здесь - положительная реакция адресанта и отрицательная - адресата. Я.А. Волкова выделяет три типа ситуаций деструктивного общения: открытого, скрытого и пассивно-деструктивного (стр. 12). Деструкция, отмечает автор на стр.21, является проявлением хаоса, неизбежно присутствующим в самой природе человека. Далее она подробно останавливается на сравнении агрессии животных и деструктивной деятельности человека (стр. 22 и след.). В то время как первая способствует улучшению генетического фонда за счёт естественного отбора, вторая почти всегда играет только отрицательную роль. Правда, почти сразу за этим заявлением Я.А. Волкова отмечает что у некоторых животных (крыс, шимпанзе) можно отметить поведение, напоминающее деструктивное, что, по её мнению, не позволяет сделать вывод о том, что деструктивность человека обусловлена биологически, (стр. 24). Из чего, заметим, можно заключить, что, во-первых, мы ещё очень мало знаем о психологии животных, а во-вторых, не следует забывать, что человек всё-таки тоже принадлежит к животному миру.

Подробный анализ взаимосвязи человеческого мозга и деструктивности (стр. 25 - 29) приводит автора к несколько более осторожному выводу, что формирование деструктивности в человеке прежде всего биологически потенциально, а не биологически детерминировано и

социопсихологические и социо-культурные факторы здесь играют основную роль.

Она справедливо отмечает, что деструктивная деятельность характеризует не только слаборазвитые и малоцивилизованные страны, она представляет угрозу даже в самых благополучных местах земного шара. Комфортная жизнь в этом отношении - отнюдь не панацея (там же).

Диссертант представляет деструктивность как концептуальное пространство, имеющее полевою структуру и состоящее из совокупности концептов, прежде всего эмоциональных (раздражение, злоба, гнев, ярость, ненависть, отвращение, презрение, месть, зависть, ревность) (стр. 102). Отсюда большое внимание, которое в диссертации уделяется анализу различных эмоциональных состояний. .

При этом следует помнить, что до настоящего времени проблема определения степени «взрывчатости» тех или иных инвектив не решена, при всей насущной необходимости получить от исследователей хоть какую-то классификацию, необходимую в первую очередь работникам в области юриспруденции. Неудача здесь объясняется возможностью использовать ту или иную инвективу в самых разных ситуациях и, соответственно, с самой разной «детонирующей силой». В условиях тюремной камеры какой-нибудь «доцент» - исключительно грубое обзывание, а обозвать сокамерника «шваброй» можно только если вы стоите спиной к стене, а в руках у вас обломок кирпича. Я.А. Волкова хорошо это понимает, отмечая, в частности, вслед за другими исследователями, что крайне оскорбительными могут быть даже такие внешне невинные высказывания, как «Возьми себя в руки!», «Вам давно уже пора знать, что...» и т.п. Оскорбительным, указывает она, может быть даже перечисление своих действительных заслуг в присутствии неудачника. «Скрытая агрессия прячется за иронией, подшучиваниями и «дружеской» критикой (стр. 80). Добавим к этому, что в других культурах это обстоятельство звучит ещё острее. В англо-саксонских культурах исключительно оскорбительно звучит заявление *You are wrong!* (в переводе - всего-навсего «Вы не правы!»).

Очень интересно и выразительно анализирует Я.А. Волкова важные для её исследования эмоции. С большинством её выводов необходимо согласиться. В разделе, посвященном ненависти, хотелось бы отметить не просто многообразие объектов ненависти, о которых убедительно говорит автор диссертации, но и ещё раз вернуться к идее о том, что эмоции плохо или совсем не поддаются вербализации. Что неудивительно, учитывая, что, в отличие от слов, эмоции недискретны. Представляется, что именно этим объясняется возможность обозначения словом «ненавижу» любых сущностей, в том числе таких, к которым на самом деле говорящий настоящей ненависти не испытывает, а имеет в виду просто сильное нежелание что-то видеть, слышать или делать: «Я ненавижу рано вставать».

Как справедливо отмечает Я.А. Волкова на стр.137, «...широкое употребление данной словоформы актуализирует сему неприязни и в какой-то мере нивелирует мощный агрессивный потенциал ненависти, что не

означает исчезновения или стирания базовых характеристик исследуемого концепта».

Не менее интересно автор описывает зависть. Пожалуй, зависть - ещё более сложное состояние, чем ненависть. Как известно, в большинстве списков самых больших («смертных») грехов (обычно их называют семь или восемь) входит и зависть, очень сложное и неоднозначное чувство, способное как отравить жизнь завистнику и объекту зависти, так и стимулировать желание компенсировать свою неполноценность. Последнее обстоятельство - «положительную роль, которую зависть сыграла и до сих пор играет в социальной эволюции»» (стр.150) диссертант не рассматривает по понятной причине: она здесь не имеет отношения к деструктивной деятельности, даже наоборот.

В диссертации подробно анализируются невербальные средства выражения эмоций. На стр. 183 справедливо отмечается, что только по вербальным ключам далеко не всегда удаётся определить охватившую человека эмоцию. К этому можно было бы добавить, что справедливо и обратное: иногда жест или мимика сообщают об эмоциональном состоянии больше, чем слова. Ср. строчки «женского» стихотворения: «Зачем доверился словам, зачем глазам не доверялся?»

Интересно, хотя и не везде бесспорно рассматривается автором проблема соблюдения или нарушения личного пространства человека. Здесь снова чувствуется настоятельная необходимость сопоставления различных национальных культур. Можно считать, например, что личное пространство представителей индивидуалистической культуры (англичане) намного больше, чем таковое у «коллективистов» (русские, японцы). Исследователи говорят о своего рода незримом коконе, окружающем англичанина, вторгаться в который означало бы нарушение его суверенных прав. В то же время личное пространство носителя русской культуры в основном заканчивается его одеждой, отчего русские намного легче переносят тесноту (Ср. популярную поговорку «В тесноте да не в обиде»). На стр. 229 - 230 Я.А. Волкова приводит примеры, когда теснота раздражает и русских, но подобная реакция намного типичнее для «индивидуалистов». В переполненном автобусе зажатый со всех сторон русский чувствует дискомфорт слабее, чем тот же англичанин, который, скорее всего, просто не станет (психологически не сможет) в такой автобус входить, даже если куда-то торопится.

Однако, как справедливо отмечается в диссертации, возникновение эмоции презрения или отвращения во всех случаях стимулирует отдаление, увеличение физической дистанции (стр.232).

Являясь сторонницей когнитивной теории эмоций, Я.А. Волкова вслед за своим учителем выдающимся российским учёным В.И. Шаховским справедливо полагает, что эмоции не просто отражаются в процессе коммуникации, но и определяют этот процесс и представляют собой мотивационную основу человеческого сознания (стр. 53). Для исследования автора диссертации наиболее существенной является эмоциональная

«триада враждебности» К. Изарда - гнев, отвращение и презрение. Именно этим эмоциям автор посвящает большую часть своего труда.

На стр.164 автор делает очень важный вывод об амбивалентности эмоций: известно, что подобно двум полюсам магнита, одна и та же деструктивная эмоция способна обладать и положительным зарядом: есть «отрицательная ярость» и «ярость благородная», «чёрная зависть» и «белая зависть» и т.д.

За содержательным разделом, посвященном садизму и хамству, следует раздел, посвященный коммуникативным типажам. На стр. 282 автор обещает в своей дальнейшей работе увеличить число типажей, имеющих отношение к деструктивной деятельности. Эту мысль следует всячески приветствовать как весьма полезную не только в теоретическом, но и в практическом смысле. Те типажы, которые Я.А. Волкова рассматривает, освещены интересно и убедительно.

Наконец, следует отметить раздел диссертации, в котором автор рассматривает деструктивное общение в аспекте эмотивной лингвоэкологии, новой науки, быстро завоевывающей внимание исследователей. Уже само название науки даёт понять, что эта тема находится в самой тесной связи с темой диссертации, так как имеет дело с коммуникативными средствами, противоречащими прагматическим и этико-речевым нормам и вредно влияющим на эмоциональное здоровье человека. Деструктивное общение, естественно, относится к неэкологичной коммуникации (стр. 351-352).

Критические замечания

Критические замечания немногочисленны, они носят рекомендательный характер и никоим образом не влияют на общее положительное впечатление о диссертации.

Хотелось бы обратить внимание на несколько непоследовательный анализ автором отношения фрейдистов к проблеме агрессии (стр. 31). С одной стороны, фрейдисты утверждают, что уровень агрессии в обществе не могут изменить ни материальное благополучие, ни любые способы улучшения уровня жизни, с другой отмечают, что интенсивность и формы выражения её могут варьироваться и контролироваться. По Фрейду, такой контроль можно осуществить с помощью разрядки агрессивных влечений, в частности, с помощью спорта и других форм конкурентной борьбы. Роль спорта и конкуренции в данном случае трудно оспорить, но вывод Я.А. Волковой о том, что все виды агрессии сведены Фрейдом к инстинкту смерти представляется недоказанным.

Анализ теорий фрустрации и катарсиса на стр. 34 - 35 представляется вполне убедительным, хотя хотелось бы более подробно подчеркнуть, что катарсис по Аристотелю и катарсис по Бахтину всё же достаточно сильно отличаются, и бахтинская позиция гораздо ближе общей теории, разделяемой Я.А. Волковой.

На стр. 38 след. Я.А. Волкова активно защищает точку зрения Э.Фромма, состоящую в отрицании теории врождённой деструктивности™ в природе человека, потому что такая теория списывает ответственность людей

за их агрессивное поведение. Представляется, что категоричность и здесь несколько излишня, ибо из совершенно справедливого утверждения Фромма не вытекает, что связи между человеческой деструктивностью и «филогенетически заложенным инстинктом» не существует вовсе.

Диссертация много выиграла бы, если бы анализ русского вербального выражения эмоционального состояния сопоставлялся с анализом других культур. Автор ограничивается лишь ссылкой на работы А.Вежбицкой, которая убедительно доказывает, что слова разных языков, называющих, казалось бы, одну и ту же эмоцию, на самом деле имеют в виду не совсем или совсем не то же самое (стр. 111). Русский «гнев» не равен английскому anger или испанскому rabia или ira (стр. 181). Отсюда, добавим, сложности перевода, да и вообще понимания иностранной речи. Сплошь и рядом буквальный перевод приводит к серьёзному искажению подлинной мысли автора.

Представляются очень полезными разделы диссертации, где рассматриваются инвективы самого разнообразного рода, от грубых и вульгарных табуированных слов до лексики с ингерентным инвективным компонентом (вор, убийца, клоун, свинья, козёл) и литературной лексики с адгерентным инвективным компонентом (интеллигент, профессор, академик) (стр. 79). Правда, классификация того или иного обзывания может вызывать сомнения. Так, вряд ли справедливо относить к одной группе такие слова как «свинья» и «козёл»: при всей их кажущейся однородности, они несравнимы по степени оскорбительности.

Заслуживает внимания раздел диссертации, посвященный смеху, особенно та часть, где обсуждается табуирования смеха в православной культуре (стр. 246 - 247). Смех в православии, действительно, осуждается, но Я.А. Волкова почему-то не обратила внимания на эпитеты смеха в цитате из Иоанна Златоуста, который осуждает безвременный и беспорядочный смех. На стр. 248 упоминается смех истерический, злой, жестокий, завистливый, ревнивый и вообще «нехороший», который, естественно, одобрения вызвать не может и безусловно имеет прямое отношение к теме диссертации Я.А. Волковой. Всё же вряд ли можно говорить об осуждении в православии любого смеха. Высказанное на стр. 252 мнение о концептуальной (небиологической) взаимосвязи деструктивности и смеха выглядит слишком категоричным.

Конкретные рекомендации

В нескольких местах своего исследования Я.А. Волкова намечает перспективы своего исследования. Все они представляются полезными и вполне осуществимыми. В частности, хотелось бы посоветовать автору обратиться к теме деструктивности на материале других языков и культур. То, что уже выполнено другими исследователями, позволяет думать, что на этом пути автора ждут многочисленные и неожиданные открытия.

Данные, полученные Я.А. Волковой, могут быть использованы учёными и практиками самого разнообразного толка: лингвистами, культурологами, юристами, конфликтологами, психотерапевтами. Текст

диссертации вполне может частично войти в соответствующие лекционные и семинарские курсы университетов, педагогических вузов, медицинских академий и т.д., тем более, что язык диссертации прозрачен и не перегружен терминологией.

Содержание автореферата диссертации соответствует основным положениям диссертации. Опубликованные статьи отражают её содержание.

Всё вышесказанное даёт основания констатировать, что рецензируемая диссертация представляет значительный научный и практический интерес. Это научно-квалификационная работа, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как серьёзное научное достижение, имеющее важное социальное и культурное значение, что соответствует требованиям п.9-14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» (утверждено Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842), предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени доктора филологических наук, а её автор заслуживает присуждения искомой степени.

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором В.И. Жельвисом.

В.И. Жельвис доктор филологических наук профессор кафедры иностранных литератур и языков ФГБОУ ВПО "Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского" 150023 Ярославль ул. Зелинского 5а кв.3, дом. тел. (4852)47 70 61 моб. 915 968 13 24 v.zhelvis@gmail.com

Отзыв обсуждён и утверждён на заседании кафедры иностранных литератур и языков 21 марта 2014 г., протокол № 7.

Д.ф.н., проф.

В.И.Жельвис

Зав. кафедрой иностранных
литератур и языков ЯГПУ
д.ф.н., проф.

Т.Г. Кучина

Подписи Т.Г. Кучиной и В.И. Жельвиса заверяю.

Начальник отдела кадров
ФГБОУ ВПО ЯГПУ им.К.Д.Ушинского

Ю.П. Волосов